

ПИСЬМА ДОМОЙ

(материалы к изучению культурной ассимиляции)

ВЫПУСК 3

Примечание издателя:

Письма получены через официальные каналы; печатаются с сокращениями; продолжение публикации последует по мере накопления материала.

С. Осмеркин

ПИСЬМО ПЕРВОЕ

Октябрь 1977 г.

Как-то не явилось отправить предыдущее письмо, и я черкну еще несколько страниц, которые рекомендую тут же отвести в "Литературку" на предмет напечатания. Как сказал мне таиландец с пятого этажа, если ты пожив в Нью-Йорке, нигде не пропадешь, хорошая наука. И в самом деле. Вот, вкратце, что происходит; начнем с позавчера, когда я поехал в Нью-Хейвен подавать на т.н. "студенческий заем" в размере некруглой суммы в 4.750 долларов с отдачей в следующей пятилетке. Там как раз оказался банкет в русском отделении, куда я, разумеется, напросился и выпил столько бесплатного красного вина, что на вокзале в Нью-Йорке кондуктору пришлось меня стаскивать с лавки; хорошо, что рельсы там кончатся, и я не оказался где-нибудь на Принстонском разъезде или в Филадельфии. Наутро делать ничего не хотелось, и я полдня просидел в небольшом магазине у своего приятеля Гарри, который торгует медной ивнче некрашенной мебелью за дикие деньги; меня он, впрочем, любит и продает одну с дикой скидкой. Также он подарил мне подставку для грампластинок, рубашку, двубортный пинжак и массу непереводаемых на русский историй. Он зовет меня Распутин, ибо не хочет напоминать моего трудного имени Владимир, и самое замечательное, что как раз в тот день я получил местный журнальчик со статьей про смерть дочери Распутина плюс ее фотография с портретом папки в руках в "Роман-газету" с романом Распутина "Последний срок". В середине дня прискакали две стюардессы из "Американ эрлайнз", и Гарри уболтал их купить два комода по 120 гринов; они обещали вернуться за ними к трем, а мы в это время выволокли ящики с комодами из подвала и, обнаружив, что фабрика прислала их без ручек, с отстающим задом и незабрызванными ящиками, под страшный мат при-

нялись исправлять вышеупомянутые отдельные недостатки в продукции американской мебельной промышленности, а тут как раз пошел страшный дождь, стюардессы вернулись, и Гарри сказал им, что вот у него подручный беретя доставить им эти ящики за 6 долларов, и я взял у него ручную тележку и поперся в этот ужасный ливень за два квартала доставлять товар на дом. Девушки эти, оказалось, живут, как и все типичные американские стюардессы: то есть в очень дорогом доме, где надеются закадрить состоятельных мужей, живут пятеро в трехкомнатной квартире с двумя сортирами и платят 790 /семьсот девяносто/ в месяц. Узнав, что я не грузчик, а даже наоборот очень интеллигентный молодой человек, они растерялись и дали мне целых 10 долларов, но как говорится, ворованное впрок не идет, и вот как я потерял этот червонец.

Когда я вернулся в лавку за вторым ящиком, там уже ждала моя подружка Бренда, которая, не найдя меня дома, перешла улицу и узнала у местного антиквара гомика-кубинца Пабло Эрнандеса, что я в лавке у Гарри; я оказываю на нее очень сильное влияние, потому что она говорит с сияющим лицом, что принесла полбутылки 56-градусной советской водки, потому что денег у меня нет, и я говорю папе: пенк, я иду к Владимиру и не дашь ли ты мне для этой цели кайфу, американский папа, наверное, обалдел слегка от такой просьбы, но полбутылки отлил. Итак, мы взяли еще вермута за 1.59, а вине я привез с собой из Нью-Хейвена, так что мы пообщались несколько часочков, поболтали про валютный кризис, послушали "Болеро", и в пол-двенадцатого я, поскольку по ее годам ей надо очень рано возвращаться в пенаты, свел человека вниз и посадил в машину типа такси. Так я истратил первые пять долларов. Только она отъехала, как у меня ехавшего такси с треском отвалился передний бампер, леш вылез, сказал все какие положено слова, я предложил

ему сбегать за зубилом и проволокой, но он сказал: бок с ним, я позвонил в таксопарк, где ему сказали, плохо, брат, такие дела, а машину за ним прислать отказались: все в разбеге, и он, бросив свою тачку на Третьей Аvenues, ушел куда-то в темноту, а я дополз до квартиры и отрубился. Но.

Просыпаюсь я в четыре утра, и не потому, что закуса-ли комары, как обычно, а потому что в гостиной моей происходит нечто странное. Протираю очи и вижу, что по гостинной моей ходит некий молодой гражданин, лет за двадцать, белый с усами, коротко подстриженный и явный гомосексуалист. Свет я забыл выключить. Ну, думаю, сплю. Однако нет: открыл глаза снова, а он все ходит и, главное, не обращает на меня ровно никакого внимания, как будто меня там и нет. Ну, я говорю: здорово, Вася. Он отвечает: здорово— и дальше ходит. Тогда, чтобы выиграть время, я спрашиваю так с заветой и полным дружелюбием, а который час. Он чего-то буркнул и дальше ходит. Ну что бы вы делали на моем месте; как всякий хороший хозяин, я тогда радушно так спрашиваю гостя, не хочет ли он поддать, он говорит, что не против. Ладно, надевая я на себя простынку, потому что штаны перед сном куда-то задала, иду в холодильник и спокойно так наливаю ему стакан красного. Он берет, спасибо не говорит, и глаза у него стеклянные-стеклянные, так что, он перед этим как раз обмялся чем-то вроде геронна, и вот садится он в мое кресло, но слов опять не говорит, а даже начинает отключаться. Тут я кинулся к двери, выглянул, что на лестнице нет его сообщников, а потом ухватил найденную в помойке железную палку, которую держу как раз для таких случаев, ибо pistolет в Нью-Йорке легально купить практически невозможно, а нелегально мне пока не с руки. И уже более твердо спрашиваю, что же он у меня в гостиной делает. А он никакого внимания не обращает ни на палку, ни на меня, ни даже на стакан, а отключается совсем и даже начинает храпеть. И вот сижу я с ним рядышком, палка на коленках, и не знаю, что делать. А он

себе, значит, отдыхает. Взял я тогда у него стакан, сам выпил, чтобы не пропало, отомкнул снова дверь и вышел на угол позвонить полицейскому по номеру 911. Полицейский был весьма по телефону неласков и никак не мог поверить, что все это на самом деле происходит, однако обещал, что сейчас приедут. И вот стою я на углу, на мне одни штаны, которые я-таки отыскал, а в руках железная палка. Через пять минут подкатывает разноцветная машина, я рукой ей машу, выезжают голубые ребята с дубинками, и мы идем ко мне наверх, я думаю, какой позор, если парня этого у меня в кресле не скажет, однако он был, где ему и положено — все там же у меня в гостиной; черный? спрашивают менты, я говорю: белый; странно, а как он сюда попал? я говорю: наверное, дверь я забыл запереть, вот он и забрел, и они начали будить его так ласково, дубинками по коленкам, он открывает глаза свои стеклянные и ничего не говорит, и никак не реагирует; они его обмоняли, тут еще машина подкатила, и еще полицейские — работают, нечего сказать, быстро и резво; книжки мои рассматривают: из какой библиотеки украх, якобы шутя спрашивают, потому что тут несколько поймали таких, у кого дома по несколько десятков тысяч томов, а этого на лестницу вытащили, и слышу: как ты сюда, сука-пала, попал, ты где, недорас, завешь, отвечай, курва, и так далее, по телу такие методы не показывают, а если показывают, то в воспитательных целях. Откуда у тебя такая фамилия, спрашивают, я отвечаю откуда, а что у вас в России такое бывает, я говорю: реке; да, говорят, у вас такие блядыги просто исчезают в Сибири, и все — и с этими словами хорошо информированные работники охраны общественного порядка уведи нарушителя моего спокойствия, а я пошел в каушлении спать. Но это — не первая шутка, которая произошла со мной за этот первый месяц жизни в настоящем городе.

Неделю назад ехали мы с приятельницей в штат Нью-Хемпшир в гости, по местным понятиям далеко, километров 500,

машина была совсем новая, только что из магазина, "Олдсмоби́ль", дождь, и вдруг впереди нас на шоссе машина затормозила, и как мы ни жали на тормоза, нас протало ее точно в хвост; я давно обратил внимание, что в подобных ситуациях, видимо, в силу замедленных своих реакций, никак не пугаюсь, а наоборот мне делается смешно-наверное, от нервов - и думаю себе: ни хрена себе неделька начинается, но скорость все же была уже так себе, и мы только разнесли себе перед, и дверь перестала отрываться, а так- на царапинки, а на передней машине- тоже ни царапинки, и тут я увидел, что с виду роскошные американские тачки делаются на самом деле из картона, смех один, один ключья, но мотор был в порядке, мы потом еще два дня ездили, и тут же подъехал полицейский с сиреной и, записывая мои данные, назвал меня Владимиром; побились мы долларов на 250, но все это оплатит страховка, так что единственная опасность была, что если бы баба в передней машине подала на нас в суд, дескать, она на миллион долларов перенервничала, нас могли бы вполне и засудить, были прецеденты, но вrede обошлось. Но.

Дальше - больше. Я всегда думал, что если бы меня обокрали, единственное, чего ну никак не жалко, так это телик, потому что от него одна трата времени, и как было бы хорошо, если бы, коли кража, взяли бы только его. И вот сижу я две недели тому ровно на семинаре у марксиста профессора Денича, который вешает ланну на уши, говоря, что де реакционные круги доказывают, что в США якобы на улицу выйти нельзя /здесь либеральным лицам нельзя говорить о преступности, в чему есть много причин, одна из которых- это что тогда можно оказаться обвиненным в расизме, а это ужасно; и вообще о преступности говорит не клево/, хотя на самом деле все это чушь. Только я наострился его спросить, а действительно, можно ли выйти на улицу, как концерт кончился, и я пошел домой. Прихожу, значит, домой, а дверь у меня в квартиру не заперта, думаю, забыл,

но вхожу уже с некоторой осторожностью; первое, что заметил — это что мой топор, которым был прижат от ветра перевод одной книги, лежит не на месте, а в кресле, во-вторых, свет горит, а я вроде бы его выключил, тут я пошел в спальню и обнаружил: ничего не тронуто, только телевизора нет, и коробки от него — тоже, так что унесли в коробке; я думаю, это я замок не успел сменить, и негражданка, жившая там до меня, захотела провести свою бывшую хату, а заодно унесла телевизор, благо красивый был, фирмы "Зенит", и тут я вздохнул свободно, потому что машинку не унесли, и даже стерео-проигрыватель тоже, а магнитофон свой я, зная местные нравы, хитроумно спрятал под бельем, его тоже не унесли, как мне. А телевизор — так бог с ним, коня легче. Что ж, иду вниз и набираю 911, неласково так спрашивают: чего украли, как влезли, адрес и мою непрожислимую фамилию, сейчас приедем машину. Через десять минут появляются два веселых полицейских, осматривают место злодеяния, я говорю: вот ребята, если вам нужны отпечатки пальцев, то они должны быть на выключателе, и вот тут еще, но они лишь головой качают, какие так отпечатки, откуда у вас столько книг, а как у вас в России с этим делом, и тут я говорю, что у нас — не у нас, и еще верят, что преступников надо сажать, вот какой я говорю им текст, ах, моя либеральная инстинкт, и тут вдруг один мент выдает мне: да у вас крестьяне есть что в Раше? — и я балдею от такой политической грамотности, а номер телевизора вы помните? откуда, а страховка была? откуда, ну ладно, замок смените, ладно, и гудбай; эх, все бы так, как вы, легко к этому относились — это они на прощанье.

О'кей, пошел я к Гарри и купил за пятерку замок фирмы "Яэль", замок дрянный, но если уж они в банки влезает, то замок любой оторвет зубочисткой, а еще одна моя знакомая сказала:

ДОВОРО ПОЖАЛОВАТЬ В НЬЮ-БОРК!

и с моим умением искать себе на жопу прикляченный у меня материала хватит еще на много писем. В связи с чем оказалось, что косяк в моей старой двери давно сгнил, и замок вставлять было некуда, так что я дня три просидел дома безвразно, пока один добрый эмигрант не пришел и не починил всю эту тухлятину. А машинку снова я пока возил с собой в штат Нью-Хемпшир, и по дороге туда мы и трахнулись в другую машину; это как я как-то убежал от армии в Ленинград и ни за что ни про что попался там по совершенно другому поводу. Вот так и живем. Это что, сказал гомик Пабло Эрнандес, у меня вот раз все вынесли, до носков, а его друг швед, которого грабили на улице раз десять, рассказывает, что у него в доме была девка, которуя чистила столько раз, что она все вынесла и оставила себе один матрас, чтоб спать, и вот как-то раз он идет, а она сидит на лестнице и горюет: на этот раз и матрас уволокли. Видимо, надо жить в домах, где снизу швейцар, на что мне Гейл из нашего квартала говорит: ни фиги, у меня и из охраняемого дома весь антиквариат унесли. Как ни странно, изо всех знакомых эмигрантов один я попал пока в такие истории, видеть, особо везучий. Впрочем, они все живут либо в сильно дорогих домах, либо в Квинсе, где почему-то есть пара мест, которые грабители обходят. Район Квинс неисключенные одеситы зовут Квинском, Бронкс - Бронском, а Манхэттен - Манхэттаном. На самом деле, я тоже большой идиот: можно было стрелкнуть полатинник и поставить замок, или дверь заперать для разнообразия, а с другой стороны, мог бы я вам больше ничего не писать, коли бы мой ночной гость оказался в ином настроении. И лишь утром я обнаружил, что он-таки спер у меня со стола последнюю пятерку, пацла.

Так я потерял свой честно заработанный червонец. Ничего, я тут у Гарри шкуркой обдираю краску с почти антикварного стула, за что он обещал мне тоже десятку. Ему 69 лет, он долго работал барменом и оттого знает все английские слова, которых я как-то в школе не проходил, и я от него сильно нахватался; мы бурно и успешно обсуждаем

вопросы насчет любви и дружбы, скорее все же первое, а когда приходят клиенты и спрашивают меня про цены, я им налагаю, что я всего-навсего — председатель правления, а президент Гарри в подвале или в сортире, и что он ответит на все вопросы по возвращении; на столе у него бутылка вискового бренди, и мы из нее периодически пьем. Он, плохо знакомый с нашим братом, утверждает, что собьет меня с ног 11 унциями виски, не зная, что такое унция, я попросил в Нью-Хемпшире налить мне 11 штук, оказалось — один действительно высокий бокал, и я даже потренировался, так что теперь могу биться с Гарри об заклад и непременно выиграть, хотя это уже будет нечестно. Напротив же — антикварная лавка, открытая с часу дня до десяти вечера, где хозяйничает супружеская пара — Пабло и Чарльз; Пабло 18 лет как с Кубы, и хотя его один раз не пустили туда обратно, очень уважает Фиделя Кастро; до победоносной революции, по его словам, Куба была раем для лиц его его неортодоксальных наклонностей, и еще Пабло, как он говорит, перескакал с Долом Ньюменом, которого он вспоминает с презрением и даже показал мне на пальцах, почему именно. У меня, честно, такое впечатление, что нормальных в Нью-Йорке уже не осталось, ибо гомики идут мимо нашего квартала страшным косяком, и немудрено, их в городе 300 тысяч, а сегодня у них был самый черный день, поскольку Верховный Суд единогласно постановил, чтобы не отменять против них дискриминацию, и теперь им не дадут учить детей в школах, слушать в полиции и в Госдепартаменте. Тут же по телику показали интервью с гомиком-преподавателем и с членшей Национальной Гомосексуальной Инициативной группы, которая сообщила, что решение Верховного Суда противоречит интересам американского народа. Пабло поначалу пробовал подбивать под меня клинья, угостил ужином и напоил до полусмерти, но под конец я сказал ему: эх, Пася, если бы ты только был бабой, — и роман наш был задушен в самом расцвете, хотя мы все равно дружим, и вот сегодня он накормил меня яблочным пирогом, напоил молоком и подливал витаминными таблетками, чтобы я был еще толще. У них с Чарльзом времен-

ный развод, они по-черному изменяют друг другу; вообще я узнал много интересного, типа того, что угол 75-й улицы и бульвара им. Рузвельта у них называется "Завалинной аллеей", и тут я вспомнил, что садик у Большого театра зовут "Алексей любви", а Строгинская поляна в Сыр-боре ходит под названием "Лебединого озера". То-то. Так или иначе, живу я, как видите, весело, и то-то еще будет.

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Декабрь 1977 г.

Пришла пора изложить вам, как я хожу в аспирантуру. Профессора у нас все четко англоязычны: Дувачек, Сниц, Денич и Загория. Студенты — тоже; пока я выявил израильтянина, палестинца, доминиканца, барбадоску, корейца, японца и много всяких акцентов, которые я категорически не понимаю. Еще много негров, но есть, впрочем, и считающие американцы белого вида. Чтобы пройти курс обучения, надо набрать 60 так называемых "кредитов" /очков, что ли/; каждый предмет стоит от 3 до 4 очков, так что мне надо пройти их за два года от 20 до 15, пока я хожу на три семинара. Один посвящен теоретическим проблемам международных отношений, и в чудовищном списке литературы я с радостью обнаружил и "Государство и революция", и "Марксизм и вопросы языкознания", халь не вывел конспектов. Мы все обсуждаем вопросы типа: как так получилось, что мир разделен на государства, или чем отличается принцип самоопределения от права на самоопределение /понятия не имею, и мне на это наплевать/. Прочитать надо три основных книжки, равно как и несколько десятков побочных глав и статей. Семинары длятся по два часа, но можно курить, была надпись, чтобы не курили, ее тут же содрали и выбросили.

Университетская библиотека чудовищно безобразна,

то есть по сравнению с теми, в каких я привык, курам на смех, что в ней было, давно разобрано или разворовано, так что вопрос о покупке учебников стоит ребром, и я уже ухлопал на это дело полсотни, хотя ничего еще и не прочел. Клево живем, если книжка стоит в копейке 11.95, установь учиться. Задание на следующую неделю: написать труд в 2 /две/ страницы, на стр. 1 - как я понимаю концепцию территориального государства и геополитики, на стр. 2 - что я об этом думаю. Черная барбадоска все время говорит о Барбадосе и смотрит на меня многообещающе, хотя, боюсь, ее уже перехватил доминиканец; как Германия, мы пришли в столу этих яств не вовремя. Дальше - лучше. Основные концепции политической теории. Обсуждаем, что думали по поводу идеального государства Сократ и Гоббс; наде прочесть три книжки, которые никто пока прочесть не удосужился, слава те Господи. Очень мне понравилась концепция Гоббса, высокая вещь: задача властителя - оберегать жизнь подданных, и чтоб никого ни за что не убивали. Я во время дискуссии тоже поднял руку и сказал, что в общем-то очень рад, что у теории Гоббса не оказалось много последователей, потому что могу себе представить, сколько народу ухлопали бы в борьбе за эту идею. Но моего мнения так никто и не понял. Очень хороший профессор, просто блеск, и жалко, что приходится так разжевывать; первый раз хочу в плохой вуз, и все это как-то скверно.

Но самый веселый семинар - про проблемы индустриальных цивилизаций обществ, причем создается впечатление, что речь идет исключительно о западных обществах. В общем, ругаем Запад, что несложно. Один профессор /их там два, танцем/-"либерал", по его собственным словам, что совсем уж скверно, но второй /югослав Денич/- марксист, вот как замечательно, и я уже попер на него на втором занятии, сказав, в числе прочего, что югославская экономика разваливается на мелкие части, и марксист тогда пообещал /шутя/ меня завалять, но либерал сказал /серьезно/, что поставит мне пять баллов. Марксист хитер, умен и образован

донельзя, и должен-таки меня на экзамене скупать, это в нем, кажется, есть, и уже завтра, если заовит, то пощиплет, поскольку надо было прочесть три книжки, а я их попросту не достал. У двух профессоров из четырех акцент хуже моего, в одного из них это, кажется, угнетает; эх, жисть-жестынка. Это- самый главный профессор, увы, что-то не везет мне в последнее время. Зачем я хожу в эту школу, мне все еще не вполне ясно, но на службу ходить- еще хуже.

Сегодня остался с одной мелочью /а билет в метро, между прочим, стоит полтинник, не считая уикендов/, зато из аспирантуры пришло письмо: извините, стипендию задерживаем, денег у нас нет, но послезавтра точно вышлем, как трогательно, и зато есть здесь добрая традиция раздавать на улицах бесплатно сигареты в целях грабительницы-рекламы. В прошлый раз я десять пачек /правда маленьких, по 5 штук/ настрелял, а сегодня всего одну, но и то дело. Пабло нашел напрокат квартиру всего за 140 долларов, и туда уже было переехала его приятельница-француженка, однако сперва она нашла на кухне две крысиных норы, а потом отодвинула холодильник и обнаружила под ним огромную мертвую крысу величиной с котенка; до вочки пришлось ей жить у знакомых. Узнав я, наконец, сколько тут стоит газ и электричество /до сих пор все это входило в квартплату/, получив счет за предыдущий месяц: 10 с чем-то за свет и 3 с чем-то за газ, это по-божески. Пабло достал мне бесплатно лампу, краску, диван и еще какое-то барахло, так что получу стипенду и побегу покупать замок /только здесь я понял, как работает замок, и даже могу оный вставлять и вынимать какой нужно стороной; а если бы вы только знали, сколько есть на свете разновидностей замков, например, так называемый полицейский, который стоит 60 гринов и имеет два чугунных толстых бруса, перехватывающих всю дверь, или замок, у которого, кроме чего положено, выдвигается длинный штырь и упирается в пол; много есть замков/. И доски для пола /50 или 40 ц. за фут, т.е. 1.20-1.10 за метр/, не

считая кукурузного масла "Мазола" и палки для втор, а то соседи напротив видят, что им, может быть, вполне интересно видеть, но я все равно затыкаю окно старой простыней. Вот как красиво живем, и что-то я расписался, а ведь мне еще читать в завтраму про пороки капитализма, а то югослав-марксист выпустит мне книжки скальпелем своего хитроумного анализа. Ну, не анекдот ли все это, живу, как во сне. Вокруг одни иностранцы, англосаксов неделями не вижу, тротуары завалены черными мешками с мусором, а также заподнены красными женщинами всех цветов, три дня лил дождь, а если бы он лил три года, то город был бы чист, как Тверской бульвар, на моем углу мерзнут чернокожие проститутки, и это значит, что данный район скоро превратится в помойку, ибо за ними приходят сутенеры с выбрасывающимися козами и шнапа, у стены университета блатной негр обдуривает евреев в три карточка, по углам маскируется его стремцаки, а толпу заводят ужасно везучий поднатчки, пронагандисты из секты любавичей раскинули посреди Нью-Хейвена агитплатер и мустрят вокруг него в своих черных шляпах инженеров-прорабов, у банка "Барклей" ходит клоун-негр на ходулях и рекламирует виланды в банк, сорокатыне евреи на 86-й улице обращают иудеев в христианство, на каждом углу — по своему пещу, калеки ездят в колясочках, слепые ходят с собаками, в китайских ресторанах в конце обеда подают т.н. "форчун кукиз", т.е. сухие печенья, в каждом из которых — предсказание судьбы, вчера в моем бляе сказано, что предстоит "не-ремене в домашних обстоятельствах", на что я вскричал: опять, небось, квартиру ограбят, чем не прекрасная жизнь?

Университет мой помещается в небоскребе на 42-й улице, я уже писал про нее, а дальше — район, в просторечии известный как "фронтальная зона", то есть где шавхи, порнографические магазины /входиль, он узкий, справа на возвышении кассир, а дальше журналы по темам с цветными картинками, сперва голые тетки с огромными грудями, потом пидо-вый отдел, морячки татуированные используют друг друга на весь экран, потом уже и нормальный секс, дальше всякие

садями-мазохизмы, друг друга в цепи заковывают и бьют плетями, а те прямо шлеет при этом, лесбийские дела, а в витринах еще для этого инструменты типа кожаных пиджаков, кнутов и палок всяких, а еще в витринах искусственные члены мужские и женские всякой длины и мягкости, а за всем этим великоколесием в глубине кабинки размером в телефонную будку, опускаешь 25 копеек и минуты четыре на экранчике тебе показывают живое кино с разными сюжетами, там женщина с двумя неграми, или девушка с собакой или ослом, или опять же два матроса, и в таком духе/, далее, как и на всех тут углах, мальчонки раздаёт прохожим рекламки публичных домов /да что тут говорить, выходишь из аспирантуры, а напротив вывеска "Девушки, девушки", 10 долларов штука!/, а еще по дороге, это уже ближе к 6-й Аvenues, стоят густой толпой ребята-негры и орут "а кому кокони", а еще "кому дурь", хоть улица и кишит американцами в штатском, и так квартал за кварталом. Вот так я и учусь политическим наукам и марксизму. В еще появились ребята с огромной блестящей машиной, никелированные штыри, шары и вообще удлинения, и делают вот что: берут с зевак 25 ц. серебром и еще 1 ц. медью и из последнего, крутя огромную ручку в этой машине, как ворот в колодце, расплывиванием делают плоский сувенир, напоминающий форму конфеты "Лимонная долька", на котором оказывается выгравированным барельеф Эмпаир Стайт Билдинг /если стоять у моего подъезда и глядеть налево, то это как раз на соседней улице, с подветкой страшно красиво/, цитата из Библии или Статуя Свободы, которую я, грешным делом, так все и не видел /от нее - через реку/.

В аспирантуре в дверях два охранника в форме, круглый день, а лифты ходят так плохо, что все время оназдываешь на лестнице, тем более что и так оназдываешь. В аудиторных сидят или за столами, составленными в прямоугольник, или за этими рехитскими сооружениями: стул, а справа, на подлокотнике - пьедестр, предполагается, что так удобно. Студенты напоминают вечернюю школу: кому 21 год, а кому и 60, есть даже один вежливый поляк из ООН, а так - негры,

трудолюбивые белые корейцы, старательные японцы /тут к одному экзамену задали двадцать книг и штук сто статей, и вот один из них ловит меня в лифте и говорит: Вася, сколько ты уже прочел, я делаю глаза и отвечаю: да еще неделя до экзамена, я и не начинал, а ты? — а он: да уж процентов 80 изучил, — тут я и отпал сразу/, африканцы /одни такой веселый, всегда меня приветствует: здорово, товарища, с коммунистическим приветом, а я ему: салют, Петя, революция продолжается, "Сирикали маманендузи"— это по суахили, как мне говорили, "Государство и революция", и мы оба дико гогочем, одна ужасно клевая негритянка из Барбадоса /я даже забил себе на всякий случай место туда в следующий раз эмигрировать, если тут беспорядки/, только страшно глухая и активная, да уж я не стал шустрить, это ведь еще и говорить с ней сколько надо, а еще всякие странные люди со всеми мыслимыми и невозможными акцентами английского языка, такая жизнь.

Наверху зато, на 18-м этаже, столовка, как у нас была "Труба" на Цеходроме, только обед стоит тройка, и еще перед входом — прилавок со спиртными напитками, а! В подвале-отвратительнейшая библиотека, хуже в жизни не встречал, зато инскительные аппараты без присмотра, 5 коп. копия, и вот как-то днем стою там в очереди, а передо мной девушка такая в сапогах, но акценту — иностранка, дай, душка, приколюсь, и так вежливо, извините, девушка, где-то я вас видел, и в таком обычном оригинальном духе, а она говорит: я из фром Россия, а зовут Инна, хотите верьте, хотите нет, но такая вот ситуация. Занимается в аспирантуре на французском, была в Москве на фил-факе, то есть совсем соседка, а вы говорите Бога нет. Но живет в Квинсе, а это полтора часа туда-обратно на метро, и двадцатка на такси, так что не звоню ей, коплю на дорогу, и не осуждайте меня строго, жизнь тяжела и опасна, хотя, поселившись в Нью-Йорке, я смотрю на нее куда более оптимистично, потому что жить тут — ну, на худой конец, смешно, и много всяких интересных вещей, типа как я подхожу днями к дому

и вижу, как к нему подкатывают сразу три бесшумные полицейские "раковые шейки", из них вываливаются милиционеры в темно-голубых х/б и начинают бегать вокруг с фонариками; я подхожу и спрашиваю, что за шум, а сержант говорит, да вот дом 164 ищем, как сообщили только что члены домкома, там кого-то грабят; и тут я сразу подумал, нувели опять мою квартиру, и говорю: да я и сам оттуда /у них на полицейской карте все перенутано, и они сроду не могли мой номер найти/, так что давайте я вас впускаю /тут, разумеется, все подъезды на замке, и надо звонить снизу и говорить в микрофон, но у нас в доме этого нет, потому что сразу не оделали, а теперь поставить стоит больше тысячи, а наших несознательных хильцов не добудимся, чтобы скинуться/, и побежали вверх, а там вышло вот что: мой сосед сверху, Тони, был в душе, а негр этот в то же самое время /видит, кто же грабит в 6 вечера, когда все приходят со службы/ залез на четвертый этаж по пожарной лестнице и, поскольку на окне решетка, перешел по карнизу к незащищенному окну и забрался внутрь, а Тони как раз вылез из ванной, и тут-то они и встретились и стали драться, причем негр все толкает его в кухню /чтобы взять нож и Тони замочить/, а тот не дается, и тут выскакивает из соседней квартиры американский индеец Рон и стоит у двери со стулом, чтобы негр вылетел на него с ножом, и Рон бы его покаями этото стула приголубил, а потом, значит, Рон ворвался в квартиру и взял нежданного гостя на двойной мейсон /так и будет не-английски, как просто/, а Тони, весь в крови, побежал на кухню за ножом и хотел этото врага прирезать, но Рон не дал, и тогда враг стал орать, что, дескать, его Тони сам затаяил в свою квартиру, а потом стал говорить, что отдаст им все свое имущество, лишь бы отпустили его в свой Гарлем, а тут как раз прискакала милиция, которую я впустил, и враг стал кричать, что он шел случайно по лестнице, а эти два индораса заволокли его в квартиру и хотели снасиляничать, но тут уж ему никто не поверил, и его увели в наручниках, хоть он и кричал матом на весь дом. Причем негр все время убеждал Тони и Рона его отпустить, чтобы "не испортить мне Рождества", как

все же трогательно. Ну, получит свои 5 суток. Условно. А ведь мог бы и убить мальчонку. Впрочем, у Томи после этого случился инфаркт, и его тоже увезли, почти в такой же машине. Тут все время сверещат сирены, и я уже на звук отличал, где пожарная, где полиция, а где скорая.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Январь 1978 г.

Как уже давно я вам не писал, хотя и происходят всякие поучительные вещи; но если не писать сразу, то подробности забываются, так что этот кусок — уже и мемуар, со свойственной им большой забывчивостью. На одной встрече подошла ко мне незнакомая женщина из Москвы и сказала, что вот читала ваши письма, и в них все слишком мрачно, такое впечатление, как будто человек сидит в аквариуме и съезился, а вокруг — холодный мир. Она говорила с насмешкой, так что, видимо, я создаю несправедливое впечатление об американской действительности, хотя и совсем без умысла. Впрочем, в Нью-Йорке я полиостью осли, и иллюзия такова, что я живу в Москве, с лавиной телефонных звонков и полной невозможностью работать. В один вечер я, наконец, озверев, даже разбил телефон об пол, но потом монтер мне показал, что сбоку у аппарата есть, откуда вынимать провод и отключаться, сколько хочется. А тут случился снегопад, который вызвал чрезвычайное положение в окрестных штатах, панику и газетную историю; Генерал Зима выигрывает уже не первую войну против теплолюбивых народов. То были лучшие дни последних лет, машины были занесены выше крыши, однако все кончилось проливным дождем и несусветным потоком, хотя свою порцию метели я ухватить успел. Тут же закрылись институты и банки, город умер, и даже "Новое Русское Слово" не приходило пять дней; так начался второй семестр, который будет еще прощаннее первого, как я подозреваю. А вчера пошли гулять умирать в два часа ночи; первый бар скакался, где народ собирается, чтобы покадрить-

ся, "пик-ап бар", или "синглз бар", - много шума, дыма, пахнет пивом и ходят ребята такого вида, что я похваляю себя за свою внешность: тулун за 42 рэ, волосы до плеч и сумка с надписью по брезенту: "Национальная библиотека для слепых", - к таким не прикалываются даже местные нац. меньшинства. Зато во втором - порядок, стейк Тартар и еще сади здоровый негр-сутенер с тремя чистыми барышнями некоей даже красоты; барышни белые. Вот как вырос дядюшка Том после войны между Севером и Югом. Нет, в самом деле весьма нескверного вида барышня, не меньше четвертного, если не все тридцать долларов. Я тут же высказал свою любимую теорию, что из всех наций негры больше всего похожи на русских, и еще мы сошлись, что в городах они сильно похожи на грузин в Москве, даже и кепки бывают такие же. Про негров вам, пожалуй, не понять, особый народ. В обоих барах спрашивали, есть ли нам по 21 году, двоим из нас было по 19, не мне, и мы унижались до лжи. Хорошо здесь в настоящее время, потому что похоже на Москву, но и без ужасных холодов, хотя все равно умудряются заморозить насмерть. Потом ехали на такси, в котором, как в правительственной "Чайке", сади откидные сиденья. Один мой приятель из Риги пошел в таксисты, где работа есть всегда; нанял такси за 300 с чем-то в неделю, но делает в день, если хочет, сотню, так что крутится. Впрочем, как-то помнится, 2-го января мы с ним выехали, я лег спать, а они поехали на его новом такси /с кондиционером и стереосистемой/ дальше гулять в тут же разбились на 1.200 долларов, бывает. И вот он говорит, что хочет жить и поэтому негров не берет на под таким видом. Я спрашиваю: и старухек? И старухек, и малек, и детей. А другой мой знакомый /он учится на политика и так подрабатывает/ ушел-также на такси. Говорит, одно убийство, второе у нас в таксопарке, и дальше, и нуче того, ну, думаю, пора лезть на этой системы. Одно слово - расисты.

Как-то я работал в Нью-Йорк-Публичке напротив своей аспирантуры и встретил там бывшую однокашницу из Деля,

которая пишет диссертацию по российским железным дорогам XIX века, и уговорил ее пойти через дорогу в китайский кафетерий обедать; и вот, когда мы уже кончаем есть, появляются два негртенка, один лет чуть ли не 9, второй - вроде 12-13, с обычными выступлениями: чего-то поют, танцуют, кричатся, в общем, вы знаете эту картину. И когда мы выходили, маленький так и выдвинул свою табуретку в узкий проход и сидит. Ну, я ему, явини, Вася, убери зад; он: а что, что такое; слово за слово, однокашница на меня натолкнулась, легкая суетолока, а выйдя наружу, цап себя за карман, а бумажничек - ты-ты, помини. Нога один сопляк нас притирак /так это когда-то называлось/, на притирке сидел, второй искусно купил у специалиста по железным дорогам шмеля, то есть бумажник, или даже портмоне - порттик по ихнему рыбьему языку. Ну, а у них ведь в бумажниках не деньги, в основном, а: водительские права, пропуск в библиотеку, регистрация на машину, кредитные карточки, и прочее и тому подобное. Все это надо теперь восстанавливать, отменять, вот какие дела. Называется, пообедали. Ни хрена себе наделька начинается, сказал я: уот э факинг уэй ту бегин э уик, по-английски. Что делают в таких случаях? - Ну, не в полицию же заявляют, смешно. И сколько тут дадут 9-летнему? И за убийство-то полтора года в пенис-лагере. Повини ходить по улице - вдруг выкинут бумажник, вынув деньги, такое бывает, но не наши, теперь одна надежда, что из интеллигентности вынут в почтовый ящик, и почта доставит наложенным платежом. И тут я ей, что, дескать, это твой долг перед меньшими братьями, расплата за хитину дяди Тома, а зачем вы их ловили в джунглях и пили из них кровь, так что эта не кража, а очистительный акт, в пламени которого, и так далее. Либералы то же самое говорят, только серьезно. Но слова мои не помогли ей ничуть, тогда я дал ей денег, чтобы добраться до дома. Вот так здесь все: им дела нет до наших глубин и полетов, им бы все деньги подавай, а им их выгераживаєте. И хошу я рассуждаю, что все, что могло со мной в Нью-Йорке приключиться, уже приключилось, кроме убийства и изнасилования, но за этим дело не станет, такое уж место.

К вопросу об эмигрантах. И тут случайно попал в гости к хорошей знакомой, и там были разные эмигранты последнего призыва, все больше из Одессы /только здесь начинаешь понимать, что Одесса — большой город, и сколько же там евреев/, все по-советски в синтетических пиджаках с толстыми галстуками и очень возмущенными женами, которые на американский стандарт могли бы сбросить вилы по сто, но на лице все равно так хорошо, что у нашего поварного слуги и голос пропал, но я хотел рассказать не про то, а вот про что: как в России все больше разговор в этих кругах, как бы выехать, так и здесь все одна тема — как бы выехать, то есть у Сарры друг Вася уже побывал в Риге, и как бы это изловчиться съездить на могилу мамы, говорят, так пускают, и в таком духе, — самая большая тема за весь вечер. Странно. Начинает вроде бы импровизировать свой нью-йоркский свет: кого зовут, кого не зовут, всякие именины и посиделки, имитация русской светской жизни. С 1917 года на Западе было около 4 тысяч газет и журналов на русском языке, я уже писал про это, но теперь осталось совсем мало. Вся эмиграция в этой части США читает "Новое русское слово", состоящее, кроме воскресений, из двух страниц, на первой из которых все больше переводы из "Нью-Йорк Таймс", — то есть не вся эмиграция, но большинство, а на Калифорнийском побережье читает и "Русскую жизнь".

Как-то осенью зашел с одноклассником в кафетерий птицу есть, а за соседним столиком сидят два мужика иностранного вида, и один матом орет по-русски на всю широкую 42-ю улицу, больной с виду, и явно вообще не в России родился, но сильно-таки тронутый, и я ничего от него не добился, а одноклассник в это время кадрил официантку; он — фантастический, пошлый и безвкусовный маглец из Ростова, и по этой или какой иной причине легко снимает в общественных местах любовь американку. Они, наверное, утомились от своих кривых мужиков, или еще почему, но я только диву даюсь, когда хожу с этим приятелем, стою с открытым ртом и балдею. Вообще за граница, видимо, мечтает отдаться

такому напору и лихости. Один мой приятель ведет переговоры с советскими представителями насчет покупки у них машины для изготовленияпельменей за 2 с половиной тысячи долларов; хочет развернуть торговлю и приучить к этому делу американского потребителя. И в самом деле, а то в русском магазине "Жернурий" за целофановый пакетик в 20 штук берут 2.50, зато в Сан-Франциско - 18 д. за 500 штук, хоть сейчас, наверно, и подорожало. И еще от меня через несколько кварталов Эмиль Геровец открыл русский ресторан "Балалайка", пятёрка за вход, за что даёт две выпивки и послушать эстрадную программу; я как-то забрёл туда ночью - добавить, и, не будь дурак, сперва говорил только по-английски, за что вам и сервис и любезность, но не мог же я с русской дамой весь вечер так, и пришлось перейти на русский, и тут пошло. Подхожу к халдею в красной, естественно, поддежке и спрашиваю: извините, где бы мне взять меня? А он на меня вывернулся: я вам, товарищ, не официант, а бармен, так что извините. Ладно. Выпивка /на палец кайфа на ложечке, остальное лед и разбавка/- два с полтиной, порция пельменей - 7.50, это за шесть-то пельмешек, хоть товар и сносный, даже с укропчиком, но за чашечку маршированных сморчков - 4 кола, увольте. В первый же день там сразу весь хлеб со столов съели, а во второй-метр набил морду официанту, какое теплое чувство. Был там и Геровец, нем "Очи черные", какая неожиданность, и братья Гусаковы в единственном числе; брат Гусаков курил, как вулкан, а Геровец был врачен. Но знакомый официант сказал, что они еще не прогорели, в отличие от безвременно почившего "Хэппи, пирожка" в Бэинсе.

Вчера лежу и читаю, вдруг звонок: это Распутни? - да, говорю. Распутни, вы трахнуть хотите? А голос совсем незнакомый, американский. Да, честно отвечаю я, и тут оказывается, что это мой приятель мебельщик Гарри развлекается с новой девушкой /ему почти 70 лет, а не что-нибудь/, хоть и времени пол-второго. Но это еще ничего, в пол-пятого звонит московская девушка-хинин по прозвищу "Царевна-Лягуш-

ка", ах, говорит, а мне сказали, что по вашему времени всего одиннадцать. Тут еще прележал хинни, Лайли, но немедленно ушел в монастырь. Здесь, наверное, тысячи монастырей, хоть это и не увязывается с образом Америки. Я нарочно пишу всякую чууху; не будучи уверен в своих изобразительных способностях, ведь все в вучу, вдруг картина сама вырисовуется, не уженьем, так чилом. Что тут едят? Вот меня, например, выучили делать руками пальмени, ну я возник. Один знакомый пишет рецензии и книжки про балет, а в промежутках берет заказы на кулебяки и тому подобное, дома изготавливает, говорят, умереть можно, как хорошо. Я же вхожу в универсам с заказом, банок-силанок навпропорот, да чужое; вкусовые привязанности, утверждают, по своей вредности не уступают политическим, и даже привязчивой их. Берешь патологический этот серый хлеб в квадратном целлофане, масло "слегка посоленное" /31 ц., на вес я в унциях не разбираюсь/, огурец, кусок бараньей ноги, сырок, доллара за четыре, и делаешь из него шашлык: мясо нарезаешь, поливаешь вишневым соусом, напихиваешь туда луку вагон, забросал специями и так томишь его, а кости с жиром выдаешь в отдельную кастрюлю, опять же бухаешь туда специи и жарящую порцию кечуду, выходит харчо, а так даже на прошлой неделе случайно научился ялов жарить: насыпал туда риса, да по первому разу с безграмотности ошмеком много, потом подхожу, батюшки, а рис-то разбух и лезет из кастрюли, а лядности так ни грамма, все рис выссал, — так начально и вышел ялов. Впрочем, дальше не продолжаю.

Ну что писал? Сегодня опять писал. Проходил я политическую теорию /как говорят эмигранты, не "проходил", а — "брал"/ от Аристотеля до Маркуса. Вся проблема в том, что эта теория страшно далека от народа; очень, конечно, полезно изучать идеальное общественное устройство, демократия там, либо выборы, но все эти прелести, уви, применимы лишь к ничтожному числу внешних стран, а за теоретическим разговором как-то забываешь о реальном мире. Зато профессор-блеск. Кто-то писал, что если не могут

заниматься наукой, переходят на методологию, вот и здесь так; все мудреные слова, которых на русском отделении нет, всякие теории /что такое власть и как на нее смотреть, что такое сила и прочее/ и мудрености, но я что-то не вижу, чтобы все это хоть как-нибудь расширяло мои представления о политических делах. Одно слово, методология; и я пока почти ничего для себя не почерпнул в аспирантуре, кроме ощущения американской политики и весьма поверхностного представления о терминологии и литературе. Можно предположить, что американский специалист по политике, если он не пройдет специальных курсов по СССР, Китаю и проч., так и выйдет доктором, имея не больше понятия о настоящем политическом мире, чем простой техасский дворник со скрибком. А потом надо было еще и сессию сдавать. Один экзамен я сдал устно; представил обзор литературы на тему "Радикальные критики западного общества", штук 12 книг и статей, неделю читал перед сном этих радикалов и удивлялся их бесплодию и маразму, а потом пошел и пять минут трепался с профессором, а потом еще час отвечал на его вопросы о СССР, и он даже телефон у меня взял, чтобы поговорить. Но еще два экзамена были письменные, и вот это был тяжелый случай, поскольку для одного следовало прочесть штук 15 книг и два десятка статей, а для другого - 3 учебника и 36 статей, можете себе представить.

Загоняют в класс, раздают всем такие тетрадки типа школьных, называются "блу буже", и листок с вопросами. В первом случае было четыре вопроса, и полагалось ответить письменно на два из них, я выбрал самые легкие: 2/ Каковы теоретические аспекты попыток примирить между собой требования равенства и свободы? Выберите и сравните трех-четырех политических теоретиков, писавших на эту тему. 3/ Говорят, что правление, основанное на принципе большинства, относится к числу труднейших вопросов политической теории. Почему это так? Обсудите данный вопрос, процитируйте теоретиков и т.п. Надо ответить за два часа. На второй я извел всю тетрадку и так увлекся, что не успел как следует взяться за первый, так что влезли мне 4 с

плесом, то есть по-местному "Би плас", какой позор. Причем, все сидят вокруг общего стола, и никто, как я заметил, друг у друга не одирает, а все строчат, как ивешние машинки, чуть дым не идет. В Москве хоть программками давали пользоваться, а тут и не спросил никто, можно ли туда взглянуть. Такое впечатление, что если в СССР экзамен в большинстве случаев - состязание между сторонами в том, кто кого обхитрит, просто настоящий бой, война, то тут на это как-то по-другому смотрят. Я буквально никто не подглядывал в книжку: больно честные, видеть, и потом всегда есть шанс, что друзья-студенты ступнут, либо из соперничества, либо от большой честности и стремления к справедливости. И так это все хорошо действует, что, ходит слухи, в Калифорнии профессора вежливо выходят из аудитории во время экзамена, чтобы не оскорбить своих патентов подосрежением. Но второй экзамен был еще смешнее: он назывался "булен бук" - экзамен, то есть дает принести с собой все свои конспекты, учебники, хоть Британскую энциклопедию. Идея состоит в том, что за два часа все равно не успеешь прочесть, если раньше не знал. Там вообще вопросов канон: в части первой предлагается фраза из "Коммунистического манифеста" про то, что при социализме исчезнут межнациональные конфликты, надо ее прокомментировать. Во втором разделе выбор: либо перечислить и описать микро- и макро-теории конфликта, либо прокомментировать фразу на одного труда по стратегиям, типа "Первая атомная бомба была направлена не на Хиросиму, а на Токио", - ну, это просто: надо было показать японскому правительству, что воевать больше шансов нет; но были и посложнее заявления, так что, не читая книжки, ответить сложно, в этом и смысл всей истории. В третьем разделе был выбор между тремя вопросами: 1/ что раньше произошло - государство или нация /я налагаю на самом деле вопрос был длиннее/, 2/ какими методами регулируются или ликвидируются межнациональные конфликты, 3/ может ли идеология быть основой национального чувства или национального государства. И, наконец, в-четвертых, выбор между четырьмя вопросами, тоже все

теории. И снова все разво пишут, склонившись над тетрадочками. Еще бывает "тейк хоум"- экзамены, это когда дают отвечать дома в предположении, что коли ты не работал в семестре, то за пару дней наверстать и пересмотреть не успеешь, а если успеешь, то тем лучше,, значит- читаешь быстро и вообще молодец.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ

Февраль 1978 г.

Завел свой бумажный я уже завел, так что квартплату платить нечем, но мы должны 1.300 за переводы, звучит красиво, это- пятимесячная квартплата плюс- электричество; некоторые мои собутьяльницы получают столько в месяц чистыми, или даже каждые две недели, в Нью-Йорке вообще чудовищные зарплаты, ибо и расходы ужасные. Начался было делать рефераты из советской прессы, по 2.50 за штуку, совсем смешно, так что я спустил это дело на тормозах. Помех купил рулетку, чтобы делать книжные полки, отдал почти 9 долларов, что за жизнь. Здесь умные люди что делают: снимают целый этаж, поскольку пришла мода переделывать бывший цех в квартиру, получается хата в несколько сот квадратных метров, хоть танцклассе устраивай. А набор вещей из рубрики "Умелые руки", тина красок, досок, инструментов и проч. прямо-таки ошеломительный; ассортимент, видно, исчисляется миллионами. Нет чтобы мир переделывать или поднимать сельское хозяйство, как же, дождешься от них, все для себя, что за народ.

А в доме у нас идет борьба с домовладельцем. Как сказала мне одна активистка, если живешь в Нью-Йорке, надо стать профессиональным квартирсыемщиком. Разносят нам приглашения на собрание, и вот мы приходим со своими стульями и начинаем заседать на площадке второго этажа. На повестке дня - как ступить на домохозяйина в горсовет, а то он нарушает; вот какие в нашем доме обнаружались нарушения: тротуар перед домом не починен /жемчужина нью-

дортской жизни - кучи собачьего дерьма повсеместно/, замок в подъезде плохо работает, и поэтому в него вечно заходят почесать ахили из расположенного у нас же винного магазина, писают и храпят, а негры и пуэрториканцы из соседней средней школы курят там марихуану, и одну хилитку-англичанку грабили на лестнице с пистолетом, но она с сыном отбилась /можете ли поверить/, в доме нет техника-смотрителя, лестница не убирается во-время, а у меня в ванной так течет с потолка, что сижу на унитазе с зонтиком /не шутка/, у одного жильца потолок в кухне обвалился, в двух квартирах - клопы /здесь они довольно давно почти мочевали по разным причинам/, в трех - замечены крысы /в первом этаже у нас итальянский ресторан, и оттуда выбрасывают объедки; один мужик изобрел тут машинку под названием "Амиго", которая ультразвуком, что ли, отпугивает тараканов и крыс, на что власти скептически заметили, что тараканы жили за миллионы лет до нас и нас на миллион лет переживут/, в субботу-воскресенье в подвал, где пробки, не падают, и если свет перегорел, надо сидеть и ждать понедельника, и так далее. Причем я, естественно, оказался большим специалистом по клопам, с ними-то опытом; здесь их выводят какими-то скуриванием, и скурить квартиру стоит когда и за сотни, а с крысами борются по-американски - забивают норы стальной ватой, через которую они якобы не могут прогрызться, а потом заливают цементом. Вот, значит, заседаем, пишем протокол, наша активистка размножает его у себя на работе на множительном аппарате и разносит жильцам. Организовали стачечный комитет и боремся, как у Горького, пишем на хозяина заявления, выбрали председателя, секретаря и казначея, но вообще-то жильцы не очень активные, и на собраниях их собирается только треть.

Всякий ведь есть народ, вот сверху живет негр такой молодой, он в шесть прибегает с работы, и не успеешь оглянуться, как уже перхает вниз, переодетый девушкой, в перетнях, перяке и духах; снизу его ждет какой-нибудь хахель с цветочками, и они улетают на крыльях любви в

кабак; тут эти трансвеститы /сокращенно ТВ/ сильно уме-
ет маскироваться под протавололоный пол, и в ресторанной
полутьме часто бывает, что их путают, кадрият, а потом за-
таскивают в койку- и на тебе, какой пассаж. Вам, наверное,
все это покажется ужасным, но на самом деле просто смешно;
они никого не трогают и не лезут со своими делами, и их
воспринимает равнодушие, свои пенте дороже денег. Как-то
в ноябре выхожу во втором часу ночи из дома за куревом, а
навстречу идет такая негрятинка, молодецкая, но весьма
задрюченная, прямая, оглядывается и спрашивает, как тут
положено, приветик, не хотите ли выйти в свет /уоина гоу
аут?/, ну, я из интересу /денег всего 75 центов, на сига-
реты/ спрашиваю, какая такса-то, ну, отвечает, вообще-то
я беру червонец, но сейчас мне уж не до торговли, сколько
дашь. Ладно, говорю, пошли лучше со мной пройдем до угла
за куревом, на дороге потрепалемся, но не прошли и пяти
шагов, как подлетает якобы такси, вываливаются оттуда
двое американцев в штатском и вяжут ее, а я, со своей де-
босью искать приключенна, не бегу, а стою и наблюдаю; тог-
да один из них подваливает ко мне и начинает с прастра-
стным спрашивать, какой смех, всю жизнь бы меня питали,
ну, я ухожу в несознанию, говорю, снял вот девчушку, цду
за табачком, денег - одна мелочь, и неужели такая смин-
тачная барышня докатилась до торговли своим художничим
телом, а он тоже не дурак, чувствует, что я дуру гоню, но
поди доказан, и вот начинает, что они за ней давно следят,
что она только что от клиента из отеля вышла, и что боль-
шинство из них вообще воробки, привадеге их на хату, а
они обязательно что-нибудь стапат, ладно, отвечаю, граж-
данни начальник, спасибо за совет, и тут он, ничего от
меня не добившись, повез ее в участок; часа два продержат,
а потом выбросят обратно в море. А жаль, хотел поговорить
с девчушкой, как дошла она до жизни такой, выяснить соци-
альные корни, выслушать ее трагическую историю и посове-
товать учиться на белошвейку, ну, как водилось среди
русской интеллигенции, когда в России еще было это зло,
до его официальной отмены, если не искоренения. Так на-

китаястическая полиция не дела мне провести шии работу среди угнетенных проститутских масс. Фанксты. Здесь эмигранты все время бегает в бардаки за червонец, но я так пинанишавши и не сподобился, чего-то во мне для этих дел не хватает, да и зачем? Но есть публичные дома и за сотни две, с сеунем, бесплатной выпивкой, пальмами-кактусами, дивно красивыми женщинами всех раскрасок и вапнами из неманского; принято приглашать в них деловых партнеров, сослуживцев и друзей. А на соседней улице есть стриптиз /когда на столе перед вами танцует молодые девки в одних миниатюрных трусиках, которые по программе они в светлый момент сдвигают пальчиками в сторону/, и сидят строгого вида мужчанин, а перед ними эти танцы под музыку; вход бесплатный, но стакан пива стоит 3.20, а коктейль - 8 долларов, и девки потихонечку раскручивают клиентом на выпивку, так что за посмотреть можно мигом оставить там полсотни, то есть весь свой дневной заработок. В, как ни странно, место это пусто не бывает.

Вообще те, кто приезжает сюда, склонны полагать, что я несправедлив к Западу, что здесь все куда более сносно, чем я изображаю, хотя я вовсе ничего не изображаю, а сахусь впередка и начинаю лепить довольно бездумно, как если бы я быстро рассказывал вслух, и вылетает все это из машины с такой скоростью, с какой я умею печатать, т.е. несколько страниц в час. Телефон снова поломался, чтоб он едох, что за сервис, и посуду обратно не принимают, а вы говорите, что я необъактивен. Зато вот мой приятель из Гиги, двадцатилетний мальчик, заработал на такси 3 тысячи и едет с этими деньгами в Амстердам, там купил дешевую машину и будет ездить по Европе четыре месяца, а я все залущусь. Бензин там, впрочем, чудовищно дорогой, но и машины зато крошечные. Впрочем, конфеты "Лимонные дольки" все же лучше американских, здесь они больше химические, и если их оставить в тепле, начинают плавиться и прилипать к зубам, а если заморозить, твердеют, как камень. Никак не могу пркучиться есть фрукты и овощи: на-

купишь виноград да груз, и вот они лежат в холодильнике неделями; из овощей-фруктов лишь арбузы периодически исчезают не в сезон, да и то часто в январе выбрасывают, а дыни взял, оказался гнилой, подаец, пришлось выбросить, а мог ведь пойти обменять. Поведимся ездить на автобусе в польский магазин брать шикарнейшую копченую корейку, или грудкину, черт, забыл по-русски, ну, в общем, длинная такая копченая палка величиной с руку, стоит 8 д. кило, т.е. 4 за фунт, и еще охотничьи колбаски по трояку за фунт, там же и студень, и красный хрен, а рядом в русском магазине "Меркурий" дают рижские шпроты, кабачковую икру, поблу, брынзу, обрезки от красной рыбы по дешевке и паран-эссенцики по рублю.

На днях приехала приятель из Вашингтона, он там при Госдепартаменте возит по стране советские группы /от нефтяников до представителей КМО/, как я когда-то с противоположной стороны, и поехали мы с ним в ресторан "Русский медведь" /из старых есть еще "Русская чайная", но там русского ничего, кроме кое-какой еды, и поэтому - порядок и всегда посетители/, где, как всегда, ни одного человека, что немудрено, в делах бардак, работницам вечно орут друг на друга, и если бы им не принадлежала весь этот дом, они не наскребли бы и на квартиру; но мы там сидели по благу, он и три девушки, одна из которых родилась в Аргентине, так чуть не 80 тысяч русских, весьма, скажем так, консервативных, православных, со всеми вытекающими последствиями, сильно поддерживаемыми тамошнее правительство, а другая - в Европе. Аргентинка шикарно говорит по-русски, хотя и не знает ни слова матом, испанский у нее родной, а английский - еще лучше русского, она служит в банке, и ее послали в Нью-Йорк на практику, ездит по всему миру, как хочет и куда хочет, в Америке живет у подруги и в уе не дует. Ну, значит, взяли шпроток с маслом, сали за стойку и начали пить водку американскую рюмочками, потом советскую перцовку и еще, для пробы, красную сладкую водку "Слеу", и все это по 1.75 стакан; подали к нам оркестранты - маленький лысый чувачок лет ста в красной поддевке и

со скрипочкой и задорная баба средних годов с гармонкой, и часа три они нам играли, потом с нами поддвали, мы тоже стали петь, особенно я своим противным голосом, даже арни из опер, но много было таких-то старых романсов типа "Татьяны", которых я в жизни не слыживал, зато научил их петь "Гумел камыш". Бармен /откуда в русском это слово? - по-английски-то "бартендер" / тоже лет ста /он еще в гражданскую воевал 16-летним взлетом/; поспали, погугарили, попили, попили, я еще сбегал за бутылкой на ночь, а тут и счетец подает - 68 зеленых, я загрустил. Пришлось отдать, куда денешься.

Перевеку рецензия Андайка на одну бабскую книжку, и хоть прямо давай списки "прим.пер.", столько там всяких американских вещей, для которых нет эквивалентов, например, о психиатрах, в которых все ходят, 50 долларов в час, или "саксонизм" - то есть демостроевское отношение к женщине, или, что такое "Сентрал Парк Уэст" - роскошный район с квартирами по несколько тысяч в месяц, или все эти ссылаки на Чосера и прочих, про которых вы подчас даже и не слышали, или еще есть тут терминология внешности и поведения, очень стандартные типы, "леди олд леди" - старушенция, но не отвечает образу русской "бабушки", или "экзекьютив тайп" - такой приглаженный парнишка в костюме, галстуке, длинных носках и с дипломаткой, или "мед сайентист" - изобретатель перпетуум-мобиле, вроде того, это из кинофильмов и историй, или "трак-драйвер" - такой пролетарский бугай, диво, плечи, Вася такой, и в таком духе, совсем другой мир. Жаль негде печатать, а бы словарь такой составил, как тут говорят "культурные дифференсы". Опину более-менее типичную американку, нью-йоркский выпуск: бухгалтер, получает 2 тысячи в месяц, 31 год, не была, нет; был у нее вчера в гостях. Витый год ходила к психиатру и, лежа на кушетке, с ним делилась; какой ужас, вот еще одна область, в которой миллион непереводаемых слов, несуетное копанье в себе - просто катастрофа какая-то, это не то чтобы клинические психи, нет, они в них ходят, дабы "при-

обрести уверенность в себе", ой, не могу этот жаргон об-
судить по-русски, слов нет; и еще мужик из Вермонта у
меня как-то ночевал, у него лесопилка своя, так он ра-
ньшею с утра встал, говорит, буду медитировать, и дол-
го-долго-таки медитировал, пока я спал. А бухгалтерша
мне говорит, я совсем, совсем стала новым человеком, ты бы
меня не узнал. Владимир. Ладно. Ливет, как и все они, в
охраняемом снизу доме: входил, тебя спрашивает, к кому
идешь, и звонят по телефону наверх - у них снизу такая
панель с номерами квартир, звончками и телефонной труб-
кой. Дом изнутри похож на советскую гостиницу, из новых,
лифт с раздвигающимися дверями, и везде перед лифтом и
внутри надпись "не курить, за это по закону - наказание",
не смешилки бы уж, и пепельница, чаще всего цилиндр с пе-
сочком или с раздвигающимися створками, привинченный к
стене у лифта. Платит она 275 за "студию" - т.е. за одно-
комнатную квартиру с маленькой кухней. Зато много стальных
шкафов, на полу - ламас, современная мебель, терпеть не могу,
и везде - ошеленительная чистота. В кухне - поразительное
количество специй, буквально сотни, я 90% и не слышал,
ни на одном языке, и обязательно - бар, то есть много по-
луустых бутылочек; ну, лед в холодильнике, ховяйка не пьет,
говорит, что толстеет от этого, полные женщины буквально
закомплексованы, такая идет промывка мозгов на счет поху-
дения, и представляют собой легкую поживу для коварных ло-
вельцов. Цветной телевизор, как раз посмотрел фильм про
Джеймса Бонда, там людей крокодилам скармливали, наши все
равно победили, не как в настоящей жизни, где Бонда давно
бы уволяли без выходного пособия, потому что - исполнить
нехорошо. Дженджермены не читают чужой почты, как здесь
говорят. С виду тут жить ужасно интересно, да беда в том,
что ко всему быстро привыкаешь и перестаешь обращать вни-
мание; я бы и сам перестал, да вам пишу, вот это и открыв-
вает мне глаза.

Был на днях на вечере, перевел кого-то из выступав-
ших со сцены, и опять все хвалили, что я так хорошо выу-

ция русский, вы в Америке родились, ах нет, унасть можно, но денег все равно не заплатили; вообще много было народу, только курить не давали в аудитории, так что приходилось бегать в фойе через весь зал. Много всяких молодых ребят, как-то необычно все, как на вечере в Политехническом, и масса юных американок, из числа тех, что торчат на русском и на русских, есть тут такая социальная группа; несчастные, в общем-то, бабы; но, кстати, балдеют они не из-за социализма, а по русскому, что есть особая субстанция, таких в мире только три нации - русские, ирландцы и американские негры /не путать с неграми вообще/. Думается, что этот особый проруссазм умрет сам собой, потому что умирает он, в основном, старыми еще преподавателями-эмигрантами, с их специальными песнями, которые мы давно променяли на Битлов с Стиви Уандером, с их старомодным хлебосольством, манерами, сказочками-песенками-чехонте-толстовским, иногда легкой цыганщиной, добротностью, корнями, - в общем, русскостью; новые все едут либо евреи, либо народ совершенно денационализировавшийся, что близко одно к другому, с частушками, матерком, интеллигентской легкостью, понтом, идеями, в общем - как я, и с остаточными русскими явлениями типа тотальной безалаберности, поддачи, слабости к доутраченным диспутам и умением дать и взять в долг без процентов. Бегают несчастные русские бабы, несостоявшиеся кухонные протестантки и даже просто бабы - с американцами спать хорошо, они хоть митые, но утешь же и от тоски, и как, простите, сказать на иностранном языке "ты моя голубка, ты моя звездочка". Вопрос стоит так - или родиться здесь, или приехать уже в соевом виде, а кто по лет 16-19-21, то не поймешь, одним боком наш человек, другим - господи, иностранец; в конечном итоге - гибрид, снежный человек, на конх словах и отклянясь, поскольку кайф вышел. Гуд бай, как тут говорят.